

Антоний (Храповицкий), архим. Две крайности: паписты и толстовцы // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 2. С. 181–194 (3-я пагин.). (Начало.)

Две крайности: паписты и толстовцы.

Бесѣдовали ли вы съ латинскимъ ксендзомъ о соединеніи церквей?

Я имѣлъ неудовольствіе бесѣдовать съ четырьмя въ недавнее время. Всѣ они принадлежали къ разнымъ народностямъ, были далеко неравнаго возраста и іерархическаго положенія, но всѣ, подобно кукушкамъ, повторяли одни и тѣ же слова въ удостовѣреніе того, что преступная унія непременно осуществится. Они при этомъ устремляли стеклянный взоръ куда то вдаль и, приподнимая указательный палецъ, твердили по латыни: „и будетъ едино стадо и единъ пастырь“ (Іоан. 10, 16); „да будутъ вси едино, якоже ты Отче во Мнѣ и азъ во тебѣ, да и тѣи во насъ едино будутъ“ (Іоан. 17, 21). Эти же слова въ подобномъ же извращеніи можете встрѣтить и во всѣхъ почти статьяхъ русскихъ латинофиловъ; но совершенно въ противоположномъ направленіи извращаютъ ихъ протестанскіе теологи-пантеисты и ихъ русскіе послѣдователи.

Читали-ли вы сочиненія графа Л. Толстаго, вышедшія послѣ его „Исповѣди“? Я имѣлъ неудовольствіе всѣ ихъ читать, включая его предисловіе къ вновь переведенной имъ буддійской сказкѣ „Карма“, напечатанной въ Декабрьской книжкѣ органа Толстовства „Сѣверный Вѣстникъ“. Въ этомъ предисловіи, какъ и во многихъ ненапечатанныхъ въ Россіи морально-философскихъ произведеніяхъ автора, приводится то-же молитвенное изреченіе нашего Спасителя, но уже въ томъ смыслѣ, что личность есть заблужденіе, отъ котораго нужно избавиться, чтобы вступить въ ту общую

жизнь, гдѣ потеряется сознание, ибо она есть Нирвана. Такія положенія высказываютъ моралисты новоизданной сказки необуддистовъ, столь тѣсно породнившихся съ германскими пантеистами. Итакъ мы имѣемъ двѣ крайности, допущенныя еретиками въ пониманіи возжелѣннаго Христу единства людей. Одни понимаютъ это единство въ смыслѣ общей административной подчиненности папѣ, а другіе въ смыслѣ исчезновенія самостоятельныхъ человѣческихъ личностей въ одной всеобщей сущности, въ Нирванѣ буддистовъ, или въ Безсознательномъ Гартмана или въ безличномъ же Отцѣ жизни Толстаго. Легко понять, что ни идеаль латинскаго номизма, такъ мало превосходящій идею всемірной имперіи у языческаго Рима, ни надежды нашихъ необуддистовъ на общее исчезновеніе не могутъ вдохнуть человѣку достаточно сильныхъ побужденій къ тому, чтобы бороться со страстями и насаждать добродѣтели въ своемъ сердцѣ. Обѣ означенныя крайности въ разрѣшеніи высшей задачи нравственной жизни были отмѣчены нами въ статьѣ: „Нравственная идея догмата о Пресвятой Троицѣ“ ¹⁾, мы тогда указывали на этотъ роковой расколъ этики, какъ на необходимое послѣдствіе отдѣленія нравственныхъ понятій отъ священныхъ догматовъ христіанства, именно отъ догмата Пресвятой Троицы и отъ догмата о Церкви, равно ненавистныхъ автору „Критики Догматическаго Богословія“ ²⁾ и самовольно искаженныхъ латинянами.

Возвратимся къ вышеприведеннымъ словамъ Христовымъ, которыми желаютъ прикрыться исказители вѣры. Несомнѣнно конечно то, что Господь выражалъ въ этихъ словахъ мысль о наивысшемъ духовномъ плодѣ Своего искупительнаго дѣла и апостольскаго подвига своихъ послѣдователей; несомнѣнно и то, что чрезъ раскрытіе этихъ высшихъ упованій Онъ желалъ влить ученикамъ Своимъ и всѣмъ намъ одушевляющую бодрость въ борьбѣ со зломъ собственнымъ и общественнымъ, мірскимъ, — ибо здѣсь-же упоминаетъ о волкахъ, и о ненависти міра: но можно-ли понимать эти слова такъ, какъ единодушно изъясняютъ ихъ латинскіе пастыри, наполнившіе вышеприведеннымъ толкованіемъ свои учебники

¹⁾ Богосл. Вѣстникъ. Ноябрь 1892.

²⁾ Изданное въ Женевѣ Эллиидинымъ сочиненіе Л. Толстаго.

по св. Писанію, по догматическому и пастырскому богословію? Достойно вниманія прежде всего то, что римскіе католики подъ единеніемъ всѣхъ разумѣютъ не столько обращеніе язычниковъ, сколько схизматиковъ. Въ этомъ имъ помогаетъ конечно латинскій языкъ: единеніе— unio, т. е. унія прибавляютъ они, а единый пастырь — папа ¹⁾.

Пріемъ толкованія очень смѣлый, чтобы не сказать наглый. Онъ навязываетъ Говорящему мысль не только объ основаніи Церкви, но о будущихъ въ ней расколахъ и затѣмъ о вторичномъ воссоединеніи. Между тѣмъ Господь ни единымъ намекомъ о будущихъ раздѣленіяхъ въ Церкви здѣсь не упоминаетъ, а если когда и упоминаетъ въ другихъ мѣстахъ св. Евангелія, то не какъ о временныхъ бѣдахъ Церкви, но какъ о явленіяхъ, имѣющихъ особенно усилиться предъ кончиной міра; это время будетъ не временемъ единенія, но всеобщаго раздѣленія, ересей и безвѣрія. На вопросъ: „какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка? Господь отвѣчалъ: *берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ. Ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ, и многихъ прельстятъ.... И тогда соблазнятся многіе и другъ друга будутъ предавать и возненавидятъ другъ друга. Многіе лжепророки возстанутъ и прельстятъ многихъ, и по причинѣ умноженія беззаконія во многихъ оскуднѣетъ любовь. Претерпѣвшій же до конца спасется..... Тогда, если кто скажетъ вамъ: вотъ здѣсь Христосъ или тамъ, не вѣрьте, ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Вотъ Я напередъ сказалъ вамъ. Итакъ, если скажутъ вамъ: вотъ Онъ въ пустынь, не выходите; вотъ Онъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте. Ибо какъ молнія восходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго“ (Матѳ. 24, 3—6, 10—13, 23—28). Тоже подтверждаютъ и св. Апостолы: „день тотъ не придетъ, пока придетъ, доколь не откроется человѣкъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ-что въ храмъ Божіемъ сядетъ онъ какъ Богъ, выдавая себя за Бога....*

¹⁾ См. Revue de deux mondes. 1894. Dec. Rome et Russie.

И тогда откроется беззаконникъ, котораго Господь Исусъ убьетъ духомъ устъ Своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего того, котораго пришествіе по дѣйствию сатаны будетъ со всякою силою, знаменіями и чудесами ложными и со всякими неправедными оболъщеніями погибающихъ за то, что они не приняли любви истины для своего спасенія“ (2 Сол. 2, 3—5, 8—11). Или еще: „духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ льстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ чрезъ лицемѣріе лже-словесниковъ сожженныхъ въ совѣсти своей (1 Тим 4, 1—3).

Замѣчательно, что всѣ они, говоря о явившихся еретикахъ вовсе не утѣшаютъ христіанъ мыслью о томъ, что рано или поздно ереси искоренятся вовсе, но напротивъ и св. Петръ, и св. Іуда, и св. Іоаннъ, и св. Павелъ говорятъ о постоянномъ успѣхѣ еретиковъ, о томъ, что слово ихъ будетъ распространяться, какъ ракъ, а хотящіе жить благочестно будутъ гонимы. Апокалипсисъ, раскрывающій жизнь міра предъ вторымъ пришествіемъ, говоритъ объ умноженіи беззаконій и безвѣрія до самаго того времени, пока не „ниспалъ отъ Бога огонь и пожралъ ихъ“ (20, 9) и начался судъ живыхъ и мертвыхъ (ст. 12), послѣ чего наступитъ „вторая смерть“ (ст. 14). Итакъ изъ словъ Христовыхъ и апостольскихъ совершенно ясно, что ереси и расколы, начинавшіеся при Апостолахъ, будутъ продолжаться до кончины міра. Одинаково несправедливо считать девятый вѣкъ началомъ раздѣленія, какъ двадцатый концемъ его. Раздѣленіе было съ самаго начала и будетъ до конца, или лучше сказать, раздѣленія церквей не было и быть не можетъ, а были и будутъ отпаденія: сперва отпали гностики, потомъ аріане, потомъ монофизиты, далѣе иконоборцы, потомъ католики, затѣмъ жидовствующіе, далѣе уніаты, затѣмъ раскольники, теперъ штундисты, а будутъ еще ереси злѣйшія; хотя евангеліе и будетъ проповѣдываться по всей вселенной, но вѣроятно безъ большаго успѣха, а только во свидѣтельство народовъ (Мѡ. 24, 14) т. е. для обличенія ихъ на послѣднемъ судѣ (ср. Іоан. 3, 19. 20, 15, 22 и 16, 8—10), такъ что „Сынъ Человѣческій пришедши найдетъ-ли вѣру на землѣ“ (Лук. 18, 8)?

II. Но кто-же будетъ единымъ пастыремъ? спросятъ васъ

латины. Конечно не римскій папа, отвѣтимъ мы. Да и всякій, кто прочитаетъ данное зачало, пойметъ, что Господь говоритъ лично о Себѣ, а не о комъ другомъ. Онъ Себя, лично противопоставляетъ лжепастырямъ фарисеямъ. „*Азъ естъ Пастырь добрый и знаю Моя и знаютъ МЯ моя. Якоже знаетъ МЯ Отецъ и Азъ знаю Отца и душу Мою полагаю за овцы. И ны овцы имаю, яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ привести и будетъ едино стадо и единъ Пастырь*“ (Іоан. 10, 14—17), тотъ пастырь Давидъ, или отрасль Давида, о которомъ, какъ о *единомъ* истинномъ пастырѣ предсказывали пророки (Іезек. 34, 23—25, Іер. 23, 5 и др.), противопоставляя Его пастырямъ челоуѣкамъ; тотъ Пастырь Великій, вѣчнаго завѣта, котораго Богъ возвелъ изъ мертвыхъ по глаголу св. Павла (Евр. 13, 20), къ Которому возвратились, по благовѣстію св. Петра, всѣ заблудшія овцы (І П. 2, 25) и Который явится въ послѣдній день, какъ Пастыреначальникъ, дабы воздать вѣнцы славы тѣмъ соротникамъ Своимъ (1 Кор. 3, 8), что будутъ пасти ввѣренное стадо, не обладая наслѣдіемъ Божиимъ, т. е. не какъ паписты, но подавая примѣръ стаду (1 Петр. 5, 4).

III. Но почему же здѣсь нельзя разумѣть земнаго замѣстителя Христова?

Во первыхъ по связи рѣчи. Въ томъ и торжество нашего Господа, что полагая душу за овецъ Своихъ, Онъ не оскудѣваетъ въ своей пастырской власти и силѣ, но лично Самъ остается Пастыремъ Своего неоскудѣвающего стада, ибо только лично Онъ даетъ овцамъ „*жизнь вѣчную и не погибнутъ вовекъ; и ни кто не можетъ похитить ихъ изъ руки*“ Его, изъ руки Отца Его, ибо Онъ и Отецъ одно (Іоан. 10, 28—31). Итакъ, если есть у Него намѣстникъ, то пусть онъ говорить, что онъ одно съ Отцемъ небеснымъ. Но эта нечестивая мысль о намѣстникѣ въ самый корень противорѣчитъ словамъ Христовымъ, постоянно убѣждающимъ насъ въ томъ, что вознесшійся плотію на небо, Господь не лишилъ насъ Своего личнаго пребыванія съ нами и управленія Церковью. Кромѣ приведенныхъ словъ насъ въ этомъ убѣждаетъ и Его обѣтованіе предъ вознесеніи, воспѣваемое Церковью въ слѣдующемъ распространеніи: „вознеслся еси во славу Христе

Боже, никакоже отлучаяся, но пребывая неотступно и вопія любящимъ Тя: Азъ есмь съ вами и никтоже на вы“. Онъ всегда тамъ, гдѣ два или три соберутся во имя Его, гдѣ совѣщаются о всякой вещи для Его дѣла (Мѣ. 18, 19). Разставаясь съ учениками, Онъ сказалъ, что пребудеть въ нихъ (Іоан. 17, 26), какъ и они въ Немъ; еслиже не пребудутъ на лозѣ, то высохнутъ, а если пребудутъ въ Немъ, то принесутъ много плода (Іоан. 15, 4—5). Онъ Самъ, а не намѣстникъ, является Павлу и укрѣпляетъ Его надежду (Дѣян. 23, 11). Онъ самъ, а не намѣстникъ, диктуетъ посланія Іоанну къ семи церквамъ и устраняетъ всякую мысль о какомъ либо удаленіи Своемъ отъ Церкви: „Я есмь первый и я послѣдній, и живой, и былъ мертвъ, и се живъ во вѣки вѣковъ, аминь. И имѣю ключи ада и смерти“ (Ап. 1, 17. 18).

Не чрезъ посредство одного человѣка и не чрезъ правительственныя только власти церковныя управляетъ Господь Своею Церковью. Перваго рода правленіе было бы подобно правленію земнаго царя, живущаго въ своихъ вѣрныхъ наслѣдникахъ, да и второе было слишкомъ недостаточно для Пастыря—Бога. Господь правитъ Церковью Своею, какъ стяжавшій всякую власть на небѣ и на землѣ (Мѣ. 28, 18), но власть не въ жалкомъ человѣческомъ смыслѣ¹⁾, а въ смыслѣ господства надъ всею природою, надъ землею и небомъ, то осѣняемымъ знаменіемъ креста для Константина, то заключаемымъ въ бездождіи для беззаконниковъ. Господь есть единый истинный Пастырь Добрый въ томъ смыслѣ, что для спасенія избранныхъ Своихъ Онъ устроилъ міръ съ такими именно свойствами и законами, что бы все служило единой Его цѣли. Не сей ли Пастырь устраивалъ торжество истины на Соборахъ, когда всѣ сильные міра, и въ томъ числѣ иногда и самозванные намѣстники, склонялись къ ереси арианъ, монѣфизитовъ и иконоборцевъ? Намѣстникъ-ли Либерій и Онорій были единымъ Пастыремъ, или Господь, ихъ обличавшій? Папы-ли вдохновили преп. Максима Исповѣдника защищать св. иконы противъ всѣхъ началъ міра или Христосъ, Котораго онъ полюбилъ? они-ли

¹⁾ Влад. Серг. Соловьевъ совершенно произвольно толкуетъ эту власть, какъ священническую, царскую и авторско-издательскую (1).

препнули входъ Арію въ церковь, или Господь разсторгнувшій его утробу? Не самъ-ли Господь отъялъ жизнь отъ Ананіи и Сапфіры и тѣмъ водворилъ въ новоначалномъ братствѣ послушаніе, потому-что великій страхъ объялъ Церковь? (Дѣян. 5, 1—11).—Правда, Господь чрезъ законную іерархію управляетъ Церковью, но не чрезъ нее только, а чрезъ все устроеніе своего Промысла и Домостроительства. Онъ, какъ истинный Педагогъ, ведетъ за руку каждого вѣрнаго въ его жизни и поселяется въ сердца Того, кто Ему отворяетъ. Сего величайшаго дѣла не можетъ исполнить въ отношеніи къ каждому наилучшій пастырь-человѣкъ, а въ этомъ благодатномъ и таинственномъ руководствѣ самимъ Промыслителемъ, какъ отдѣльныхъ душъ, такъ и духовной настроенности цѣлыхъ церквей, главное значеніе жизни христіанства на землѣ. Если Господь остается къ намъ столь близокъ по Своему вознесеніи, то значить, что ни въ какомъ всемірномъ намѣстникѣ не нуждается. Въ томъ исключительная высота и величіе Церкви, какъ общества, что оно не человѣческимъ разумомъ или властью управляется, но таинственнымъ проникновеніемъ Христа во всѣ сочлененія сего великаго тѣла Его, Которому Онъ служитъ главой. Подобно тому, какъ мысли и желанія, возникающія въ головѣ человѣка, таинственно проникаютъ во всѣ члены его тѣла, такимъ же образомъ и Христова воля самолично содержитъ и направляетъ Церковь и части ея, куда Господу угодно. Нѣтъ намѣстника Христу въ Церкви, какъ нѣтъ для главы ея замѣстителя въ тѣлѣ. Онъ, лично Онъ, и никто другой есть единый Пастырь единаго стада и конечно въ Немъ лично и въ Отцѣ, а не въ палахъ всѣ будутъ едино. И если латиняне любятъ соотносить эти два изреченія, то пусть устыдятся хотя бы послѣдняго и не включаютъ своихъ первосвященниковъ во Святую Троицу.

IV. Но кто-же единое стадо и о какомъ единствѣ говорится во св. Евангеліи: „*да тѣи въ насъ едино будутъ*“ (Іоан. 17, 21)? Сколько нужно извращенія мысли, или легковѣрія, чтобы принимать эти слова за единство вѣроисповѣданія! Ужели его можно хотя отчасти уподобить блаженному единству Отца и Сына? Или не знаемъ мы изъ св. Евангелія, что на полѣ Церкви будутъ расти плевела купно

со пшеницею, что на вечерю Домовладыки войдутъ нѣкоторые не въ брачной одеждѣ, что гумно и неводъ Божій будутъ очищены отъ негодныхъ вещей и пять дѣвъ изъ десяти, вышедшихъ во срѣтеніе Жениха, будутъ лишены общенія Его трапезы? Это-ли то совершенное единство, о которомъ молится Господь? Это-ли то совершеннѣйшее пребываніе въ Немъ учениковъ пребываніе въ Его любви, коей достигнуть лишь исполнители заповѣдей (Іоан. 15, 10)? Это-ли то единеніе въ Его стадѣ, отъ котораго никто не можетъ отторгнуть овецъ (10, 28), пасомыхъ единымъ пастыремъ? Такое единство не многимъ превышаетъ единство народное или семейное: его-ли уподоблялъ Господь единству Св. Троицы? Оно не умиляло бы насъ и въ томъ случаѣ, еслибъ охватило всѣхъ людей, цѣлой вселенной, да оно конечно охватитъ и ихъ, и даже трепещущихъ и вѣрующихъ бѣсовъ (Іоан. 2, 19), когда *„о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ, и земныхъ, и приспоспудныхъ“* (Фил. 2, 10), ибо многіе поклонятся съ проклятіемъ, какъ повиновавшіеся Христу изгоняемые бѣсы, или воины, падшіе на землю и омертвѣвшіе отъ ужаса при воскресеніи Его изъ мертвыхъ.

Еще менѣе можетъ насъ удовлетворить общее единовластіе въ ту или иную непродолжительную эпоху, единовластіе ничего не доказывающее и совершенно безцѣльное и бессмысленное, какъ ученіе еретиковъ о хиліазмѣ и рационалистовъ о нравственномъ прогрессѣ и имѣющемъ наступить нѣкогда на нѣкоторое время общемъ совершенствѣ. Не всѣ-ли люди и не всѣ-ли поколѣнія равно дороги Богу и друзьямъ Его? Не подобенъ ли міръ проходной комнатѣ, въ которой лишь на малое время останавливается каждое поколѣніе, идущее на судъ къ престолу Божию и затѣмъ въ свой вѣчный домъ? что же за смыслъ въ томъ, если утромъ по этой комнатѣ проходитъ вмѣстѣ много поколѣній со злыми и добрыми, а къ вечеру проходятъ одни добрые? Вѣдь все равно исполнится къ ночи число осужденныхъ и число оправданныхъ.

Еще меньше смысла въ томъ, чтобы къ вечеру сего великаго дня прошло нѣсколько поколѣній, объединенныхъ единствомъ вѣроисповѣданія и власти. Сведеніе высшихъ церковныхъ упованій къ такой малой идеѣ происходитъ у

западныхъ христіанъ вслѣдствіе ихъ глубокаго омірщенія, забвенія того, что „*наше житіе на небесахъ есть*“ (Фил. 3, 20); не тамъ сокровище ихъ, но „*земль, гдѣ моль и ржа потребляетъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ*“ (Ме. 6, 19), а, „*гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше*“... *Итакъ если свѣтъ, который въ тебѣ тьма, то какова же тьма?* (21, 23). Такъ практическое омірщеніе и властолюбіе вліяетъ на искаженіе вѣры или потемнѣніе свѣта, а сіе потемнѣніе въ свою очередь ввергаетъ людей въ еще низшую степень омірщенія. Еслибъ внѣшнее единовластіе было конечною цѣлью Домостроителя нашего спасенія, то наилучшимъ средствомъ къ тому было бы исполнить искушенія дьявола въ пустынѣ или призвать два легіона ангель въ день преданія: тогда бы вся вселенная покорилась Христу такъ, какъ того желаютъ латиняне, т. е. въ смыслѣ признанія Его власти надъ собою. Великій Инквизиторъ въ поэмѣ Достоевскаго весьма послѣдовательно съ этой точки зрѣнія упрекаетъ Господа за то, что Онъ не поддался голосу искушителя: тогда бы наступило внѣшнее единеніе всѣхъ народовъ, а не только „немногихъ“ избранныхъ между званными (Мѡ, 22, 14), тѣхъ „немногихъ“, которые идутъ узкимъ путемъ, ведущимъ во спасеніе (Матѡ. 7, 14) и никогда не будутъ составлять на землѣ всемірнаго, но только „*малое стадо*“ (Лук. 12, 32).

На вопросъ: кто есть пастырь? мы отвѣчали — единый Господь Іисусъ Христосъ; на вопросъ: какое единеніе? отвѣчаемъ: не вѣроисповѣдное, а высшее, внутреннее, наступающее въ царствѣ небесномъ, а здѣсь лишь изрѣдка предошущаемое и притомъ единеніе отнюдь не между живущими на землѣ только, но именно между всѣми; послѣднее выяснится для насъ точнѣе при отвѣтѣ на третій вопросъ: изъ кого составитя единое стадо и кто сіа *вси*, которые нѣкогда будутъ *едино*?

V. Стадо есть то конечно, которому сказано: „*не бойся малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство*“ (Лук. 12, 32). Ясно, что здѣсь обозначается не собраніе вѣрующихъ той или иной эпохи, а всѣ лишь тѣ изъ вошедшихъ въ церковь во всѣ времена, которые получаютъ царство небесное. Въ притчѣ о Добрѡмъ Пастырѣ заключительныя слова указываютъ на конечный исходъ До-

мостроительства, на увѣнчаніе будущей жизни Церкви, подвергающійся различнымъ перемѣнамъ и притомъ по большей части скорбнымъ, исполненнымъ гоненій отъ волковъ и татей. Этимъ перемѣнамъ противопоставляется вѣчное единеніе Пастыря со стадомъ, собиравшимся постепенно изъ своихъ и иныхъ, т. е. отнюдь не изъ одного или нѣсколькихъ поколѣній, но изъ всѣхъ поколѣній до всеобщаго воздаянія. Этихъ овецъ никто не отторгнетъ отъ руки Пастыря, но Онъ собираетъ ихъ до конца временъ. Онъ оставляетъ девяносто девять въ горахъ и обрѣтаетъ сотую заблудшую и радуется объ обращающихся грѣшникахъ болѣе чѣмъ о праведникахъ, „дондеже исполненіе языковъ увидеть“ (Римл. 11, 25).

Эти-то языки и суть инья овцы, т. е. не всѣ языки, но именно избранные люди изъ нихъ; никакъ не еретики, о которыхъ не было смысла говорить іудеямъ, но именно спасающіеся изъ язычниковъ, о чемъ Господь говоритъ іудеямъ постоянно во всѣхъ почти притчахъ: и въ притчѣ о злыхъ виноградаряхъ, и о милосердіи самарянинѣ, и о блудномъ сынѣ, и о двухъ сынахъ отца, посланныхъ въ виноградникъ, наконецъ говорилъ и безъ притчи и всѣмъ іудеямъ, и Апостоламъ. Въ этомъ именно смыслѣ только и можетъ понять приведенное изреченіе всякій, не отказывающійся отъ своего здраваго смысла. „Что самое (говорили св. Іоаннъ Златоустъ) и Павелъ паки изъяснилъ сими словами: *да оба созиждетъ собою во единого новаго чловѣка* (Ефсс. 2, 15).

Но если такъ, скажутъ ланиты и уніаты, то почему сіе стадо называетъ единымъ? Ради того святаго и вождельнаго единенія живыхъ и мертвыхъ, отвѣтимъ мы, которое столь несравненно возвышаетъ христіанина надъ всякою земною силою, и познаніемъ, что не только общаетъ ему на небѣ блаженное единство со всѣми, возлюбившими Господа, но и здѣсь на землѣ вводитъ его въ общеніе съ умершими по утѣшительному слову Павлову: *„нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и приснии Богу, наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ, сушу краугольну самому Исусу Христу, о немъже“* ¹⁾ *всяко*

¹⁾ А не о намѣстникѣ.

созданіе составляемо растетъ въ Церковь святую о Господѣ“ (Івѣ 2, 20). Видишь-ли, что иныя овцы собираются въ такое единое стадо, которое не заключается въ одномъ поколѣніи, но включаетъ въ себя апостоловъ и пророковъ и слѣдовательно не тѣмъ славится, чтобы наполнить собою всю землю на нѣсколько столѣтій, но о томъ, чтобы наполнить небо на цѣлую вѣчность.

Въ этомъ ты окончательно убѣдишься, если перечитаешь всю прощальную молитву Господа, которую уніаты хотятъ такъ грубо извратить. Кто эти всѣ, о которыхъ тамъ говорится и съ кѣмъ они будутъ *едино*? *Всѣ* означаетъ обобщеніе предыдущаго, но о комъ говорится выше? Вотъ слова Христовы: *не о нихъ-же только молю но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ. Да будутъ всѣ едино: какъ Ты Отче во Мнѣ и Я въ Тебѣ, Тебѣ, такъ и они дабудутъ въ Насъ едино, да увѣруетъ міръ, что Ты Меня послалъ* (Іоан. 17, 20—22). Ясно, что Господь говоритъ только о спасающихся, объ увѣровавшихъ уже по слову апостольскому и *всѣхъ ихъ* противопоставляетъ невѣрующему, но не безнадежному для вѣры міру: очевидно, что не весь міръ въ лицѣ того или иного поколѣнія разумѣется подъ этими *всѣми*, а только Его послѣдователи; и никакъ не объ ихъ обращеніи молится Господь, но объ укрѣпленіи духовнаго единства между ними, *апостолами*, и Имъ самимъ. „Да будутъ едино въ Насъ, не только двѣнадцать учениковъ, но и увѣровавшіе въ Меня по слову ихъ; да будутъ всѣ едино, и тѣ, и другіе. Ясно, что рѣчь идетъ не о поколѣніи, не объ исторической эпохѣ, но о единствѣ послѣдователей Христовыхъ всѣхъ временъ, о томъ единствѣ, которое въ своемъ зачаткѣ входитъ въ сознание сыновъ Церкви воинствующей и составляетъ содержаніе ея священныхъ пѣснопѣній годичнаго круга, но въ совершенствѣ осуществится только по исполненіи временъ и кончинѣ міра, когда исполнятся слова Откровенія: „*се скинія Бога съ людьми и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ и самъ Богъ будетъ съ ними Богомъ ихъ* (Апок. 21, 3)..... *Агнецъ, который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить на живые источники водъ и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ* (7, 17). Городъ будетъ *поистинѣ* единымъ, единымъ не внѣшне, но по степени единоду-

шія, почему и называется строящимся *зданіемъ* на краю угольномъ камнѣ (Ефес. 2, 21), единымъ, вырастающимъ *тѣломъ*, неотторжимымъ отъ главы (2, 16 ср. 1 Кор. 12, 12—26) и наконецъ *женою, невѣстой Агнца* (Апок. 21, 9). Объ этомъ блаженномъ царствѣ, а не о временахъ земнаго прогресса пророчествовалъ св. Исаія, утѣшая угнетенныхъ на землѣ праведниковъ обѣщаніемъ вѣчной радости, чуждой печали и воздыханія (гл. 11-ая и 35-ая).

VI. Здѣсь кажется слѣдуетъ окончить приведеніе словъ Писанія, убѣждающихъ насъ въ совершенной ложности уніатскихъ обольщеній. Пора положить конецъ ихъ извращеніями священныхъ словъ. Пусть они находятъ другія приманки, а не слова Писанія, ибо если убѣдились мы, что Писаніе говоритъ противъ нихъ, то на дальнѣйшія убѣжденія отвѣтимъ разъясненіемъ св. Златоуста на притчу о Добромъ Пастырѣ. *„Не входяй дверми во дворъ овчій, но прелазяй инудь, той тать тать есть и разбойникъ.* Зри признаки разбойника. Первая, яко не явѣ входитъ; второе яко не по Писаніи; сіе бо значить: не дверми... Якоже бо нѣкая дверь утвержденная, тако Писаніе заключаетъ еретикамъ входъ, устрояючи насъ во всякой безопасности и не оставляючи заблуждати. И ежели сами не раззоримъ оную, то не будемъ удобоемлемы отъ враговъ. Чрезъ нее и пастырей всѣхъ и не пастырей познаемъ“.

(Изд. 1793-го года). Впрочемъ неужели такъ заманчиво лживое упованіе уніатовъ? Мы видѣли, что при вѣрѣ въ жизнь загробную оно есть бессмысленный призракъ. Но быть можетъ загробная жизнь слишкомъ духовна, чтобы стать побудительнымъ упованіемъ для вѣрующихъ, вдохновляющимъ ихъ на подвигъ? Да, омірщившихся западныхъ христіанъ только постоянныя напоминанія проповѣдниковъ о тѣлесныхъ мукахъ въ аду могутъ нѣсколько волновать, а надежда на райскія утѣшенія остается на долю подвижниковъ Востока; но смотрите на лучшія времена христіанства: изъ Дѣяній и Посланій и Апокалипсиса вы скоро усмотрите, что пришествіе Христова и судовъ Его были предметомъ самыхъ горячихъ и напряженныхъ ожиданій Востока и Запада; для сего достаточно прочесть конецъ Апокалипсиса. Въ этихъ же ожиданіяхъ почерпали мужество истинные насадители сѣмянъ церковныхъ—св. мученики и

притомъ не только Новаго Завѣта, но и ветхозавѣтные Маккаввеи. Да и средніе благочестивые люди всѣхъ временъ и народовъ не овѣчной-ли жизни всегда помышляютъ и не сею-ли надеждою утѣшаютъ себя въ скорбяхъ? Мечтанія о будущихъ исходахъ жизни земной они оставляютъ на долю праздныхъ мечтателей, не идущихъ далѣе фразъ и словъ, а дѣлами своими служащихъ стихіямъ міра.

VII. И напрасно эти послѣдніе надѣются на обильные плоды своей лихорадочной дѣятельности: опытъ ясно говоритъ намъ, что возбуждать сильныя религіозныя движенія и собрать полки послѣдователей суждено не религіознымъ политикамъ, но искателямъ царства небеснаго. Одинъ Великій Аѳанасій противостоялъ цѣлой вселенной и увлекъ ее за собой и не льстецы толпы народной, а уединенные собесѣдники съ Богомъ уносили ее за собой въ пустыню. Да и въ самомъ латинствѣ развѣ Гильденбрантъ или Лойола были владыками сердець, а не Бернадъ Клервоскій, Іоанна Даркъ и Саванаролла? Даже іудейскій мудрецъ понималъ по опыту собственной жизни, что успѣхъ религіознаго ученія зависитъ не отъ искусственныхъ прельщеній, но отъ силы Божіей: онъ помнилъ, что Ѳевда и Іуда Галлилеянинъ, увлекшіе довольно народа, погибли и всѣ слушавшіе ихъ разсыпались и если какое *„предпріятіе отъ человѣковъ, то оно разрушится, а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его“* (Дѣян. 5, 36—39). Съ сими словами соглашаются и Іоанновы, сказанныя по поводу столь быстрого прославленія Крещеннаго имъ Іисуса Христа: *„не можетъ человѣкъ ничего принимать на себя, если не будетъ дано ему съ неба“* (Іоан. 3, 27). Условіемъ же распространенія проповѣди евангельской Господь и Апостолы указали не обольщеніе слушателей и не земное могущество учителей, но ихъ мученическій подвигъ и незаслуженный позоръ: *„аще Мене изгната и васъ изженутъ; аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдутъ“* (Іо. 15, 20). Ему вторитъ и св. Апостоль Павелъ: *„присно бо мы живѣи въ смерть предаемъ Іисуса ради; тѣмъже смерть убо въ насъ дѣйствуетъ, а животъ въ васъ“* (2 Кор. 4, 11—12). Но паписты, отторгшіеся отъ Церкви, потеряли пониманіе сего таинственнаго единства со Христомъ и съ Церковью и запутываясь въ понятія

римскаго права, создали себѣ идею безусловно раздѣленныхъ личностей, коихъ единеніе можетъ быть лишь въ единствѣ закона и единствѣ общей власти. Будущая жизнь по нимъ есть лишь внѣшняя мзда, наслажденіе за принятыя на землѣ лишенія и дѣятельные подвиги. Ученіе о добродѣтели является у нихъ, какъ ученіе о необходимомъ количествѣ добрыхъ дѣлъ, а не о постепенности „совлеченіи ветхаго человѣка тлѣющаго въ оболъстительныхъ похотяхъ, и въ обновленіи духомъ ума и облеченіи *въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины*“ (Еф. 4. 22—25). Посему ихъ религіозная жизнь не только, освобождая отъ самолюбія, но вмѣсто истиннаго единенія съ ближними разобщало съ ними, ограничивая взаимныя отношенія людей исполненіемъ сухаго долга. Вмѣсто того, чтобы взирать на блаженное единство Отца, и Сына, и Святаго Духа, они мечтали возсоздать единство древнеримскаго единовластія надъ вселенной. Естественно, что умы, выбившіеся изъ оковъ ихъ схоластическаго богословія, возненавидѣли не только искаженіе священныхъ догматовъ, но и самые догматы. Они ошибочно слили первое съ послѣдними и рѣшивъ, что источникъ взаимнаго охлажденія людей въ ихъ надеждѣ на вѣчную жизнь личности, создали вымыслы о сліяніи всѣхъ въ одно безличное небытіе, назвали источниками зла идею личности, вѣру въ личнаго Бога и личнаго Искупителя и отпали отъ ложнаго христіанства въ злѣйшую тьму языческихъ суевѣрій буддизма. Но они имѣли дерзость привязывать къ нимъ священные изреченія евангелія; такъ и поступаютъ необуддисты, пантеисты — гегельянцы и толстовцы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Архимандритъ Антоній.